

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ LANGUAGE IN PROCESS

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-77-85

Научная статья

Генезис языковой политики Республики Беларусь

А.А. Лавицкий

Белорусский государственный педагогический университет,
Республика Беларусь, 220050, Минск, ул. Советская, 18
Международный университет «МИТСО»,
Республика Беларусь, 210015, Витебск, ул. М. Шагала, д. 8А
✉ anton_lavitski@mail.ru

Аннотация. Проблемы языковой политики многогранны, допускают вариативность подходов к оценке ее эффективности и соответствия национально-этнической модели общественных отношений. Значимость вопросов формирования и развития правовых инструментов регулирования языкового ландшафта и защиты языка подтверждается наличием внушительного числа международных нормативных актов. Однако основные юридические механизмы в данной сфере находятся в плоскости ответственности национального законодательства. Автор рассматривает опыт Республики Беларусь, которая, в отличие от других союзных республик бывшего СССР, сумела сохранить государственное двуязычие. Исследованы нормативно-правовые акты, регламентирующие современную государственную языковую политику Беларуси. **Методология** работы включает общенаучные методы обобщения и систематизации, логический и сравнительно-сопоставительный анализы. До 1990-х годов современный белорусский язык не имел формального статуса государственного языка (конституции республики лишь закрепляли нормы его использования наравне с русским во всех сферах официально-делового общения). На рубеже 1980—1990-х годов проблемы регулирования языковых вопросов были включены в политическую повестку. Первые законодательные акты суверенной Беларуси закрепляли государственное моноязычие и были ориентированы на форсированный переход к белорусскоязычной коммуникации. Белорусизация в стране была наиболее эффективной в сфере общего среднего и дошкольного образования, однако не смогла всецело вытеснить русский язык из общественно-политического дискурса и, разумеется, бытового общения. Продвижение национального языка переросло в политический лозунг, не поддержанный общественностью: на референдуме 1995 года были приняты поправки в конституцию о придании русскому языку статуса государственного. Данные изменения нашли отражение в других нормативных актах. Опыт выстраивания языковой политики Республики Беларусь явля-

© Лавицкий А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ется уникальным для постсоветского пространства: страна, находящаяся в авангарде националистических позиций моноязычия начала 1990-х годов, сумела в течение небольшого по историческим меркам периода независимости и суверенитета пройти достаточно серьезный путь гармонизации языковой ситуации, юридически нормализовав процессы социального коммуникативного взаимодействия и сохранив черты национальной лингвистической идентичности. Современный языковой ландшафт Беларуси характеризуется очевидным доминированием русского языка практически во всех сферах коммуникативного взаимодействия. При этом белорусский язык как язык титульной нации функционально выполняет роль не столько средства общения, сколько символа национальной самоидентичности.

Ключевые слова: языковая политика, белорусский язык, русский язык, государственный язык, белорусско-русский билингвизм

История статьи: дата поступления в редакцию: 14.04.2021; дата принятия к печати: 14.06.2021

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: *Лавицкий А.А.* Генезис языковой политики Республики Беларусь // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 1. С. 77—85. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-77-85

Research Article

Genesis of the Republic of Belarus Language Policy

A.A. Lavitski

Belarusian State Pedagogical University,
18, Sowetskaya Str., Minsk, 220050, Republic of Belarus
International University «MITSO»,
8A, M. Shagal Str., Vitebsk, 210015, Republic of Belarus
✉ anton_lavitski@mail.ru

Abstract. The problems of language policy are multifaceted, they allow for variability of approaches to assessing its effectiveness and compliance with the national-ethnic model of social relations. The importance of the formation and development of legal instruments for regulating the linguistic landscape and protecting the language is confirmed by the presence of an impressive number of international normative acts. However, the main legal mechanisms in this area are in the plane of responsibility of national legislation. In this regard, the experience of the Republic of Belarus, which, in contrast to other union republics of the former USSR, has managed to preserve state bilingualism seems to be interesting. The research was carried out on the normative legal acts regulating the modern state language policy of Belarus. The methodology of the work included general scientific methods of generalization and systematization, logical and comparative analysis. Until the 1990s, the modern Belarusian language did not have the formal status of the state language (the Constitution of Soviet Belarus only enshrined the norms of its use on a par with Russian in all spheres of official business communication). At the turn of the 1980s and 1990s, the problems of regulating language issues were included in the political agenda. The first legislative acts of sovereign Belarus consolidated the state monolingualism and were focused on a forced transition to Belarusian-language communication. Belarusianization in the country was the most effective in the sphere of general secondary and preschool education, but it could not

completely «oust» the Russian language from the socio-political discourse and, of course, everyday communication. The promotion of the national language grew into a political slogan that was not supported by the public: at the 1995 referendum, amendments to the Constitution were adopted to give the Russian language the status of a state language. These changes were reflected in other normative acts. The experience of building the language policy of the Republic of Belarus is unique for the post-Soviet space: the country, which is at the forefront of the nationalist positions of monolingualism in the early 90s of the last century, managed, during a period of independence and sovereignty that was short by historical standards, to go through a fairly serious way of harmonizing the language situation, legally normalizing the processes social communicative interaction and retaining the features of national linguistic identity. The modern linguistic landscape of Belarus is characterized by the obvious dominance of the Russian language in almost all spheres of communicative interaction. At the same time, the Belarusian language as the language of the titular nation functionally plays the role of not so much a means of communication as a symbol of national self-identity.

Key words: language policy, Belarusian language, Russian language, state language, Belarusian-Russian bilingualism

Article history: received: 14.04.2021; accepted: 14.06.2021

Conflict of interests: none

For citation: Lavitski, A.A. 2022. “Genesis of the Republic of Belarus Language Policy”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (1), 77–85. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-77-85

Введение

Республика Беларусь — государство с уникальным для стран бывшего СССР языковым ландшафтом. Дело в том, что статус русского языка как государственного наравне с национальным языком официально закрепила лишь белорусская конституция. В силу определенных исторических и геополитических условий русский язык играет важную роль в жизни белорусского народа начиная с конца XVIII века. Русский язык в Беларуси — это не только средство общения, но и неотъемлемая часть духовного кода народа. Доминантное положение этого языка прослеживается практически на всех институциональных уровнях. Исключением, пожалуй, можно считать сферу культуры, где белорусский язык по понятным причинам не может быть заменен. Однако отсутствие паритета в использовании государственных языков не вызывает серьезной общественной озабоченности или напряженности в гражданских отношениях.

Следует, однако, отметить, что активное использование русского языка во всех сферах общественной и бытовой коммуникации привело к функциональным изменениям родного языка титульной нации. Так, несмотря на то, что по данным последней всеобщей переписи (2019 г.) 60,3% населения Беларуси считает родным именно белорусский язык, коммуникативная функция для него не первична. Прежде всего, он несет символическую функцию. Во многом именно наличие собственного языка предопределяет национальную самоидентификацию белорусов. Полагаем, что это отнюдь не свидетельство малозначительности роли белорусского языка в обществе. Наоборот, наш язык, как и лингвокультура в целом, является символом национального единства и белорусской «самасвядомасці»

(самосознания), этнического самоопределения. Это еще одна особенность коммуникативного пространства Беларуси, требующая дополнительного научного описания.

Очевидно, что сложившуюся коммуникативную ситуацию в определенной мере предопределила государственная языковая политика, которая, с одной стороны, в Беларуси достаточно стабильная и последовательная, а с другой — прошла определенные этапы своего становления и, действительно, выкристаллизовалась как результат общественного запроса.

Указанные факты свидетельствуют об актуальности темы статьи об истоках и развитии языковой политики Республики Беларусь, позволившей стране стать уникальной билингвальной площадкой, где язык титульной нации уступил позиции коммуникативной доминанты, взяв на себя иную фундаментальную функцию — символа этнической (само)идентификации. Кроме того, предпринятый аналитический обзор будет небезынтересен в рамках изучения особенностей функционирования русского языка за рубежом, так как чаще всего данная проблема рассматривается в русле исследования вопросов преподавания русского языка как иностранного или его статуса как языка этнического меньшинства.

Цель и методы исследования

Цель настоящего исследования — представить генезис языковой политики Республики Беларусь.

Материалом исследования послужили нормативно-правовые акты белорусского законодательства, регламентирующие государственную языковую политику в период с 1990 года по настоящее время. Методологическую базу исследовательской работы составили общенаучные методы обобщения и систематизации, логический и сравнительно-сопоставительный анализы.

Результаты и их обсуждение

Тот факт, что язык является саморазвивающейся системой, не лишает его статуса особого объекта системы государственного правового регулирования. Речь идет о понятии языковой политики, когда язык рассматривается как средство реализации социально-идеологических установок. В Лингвистическом энциклопедическом словаре дается следующее определение понятия языковой политики: «Языковая политика — совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [1. С. 598]. Мы полагаем, что представленная трактовка не совсем верна, так подходит к рассмотрению вопроса односторонне.

В языковой политике следует выделять две ипостаси языка: во-первых, как ключевого элемента регулирования открытого коммуникативного взаимодействия; во-вторых, как особой культурной единицы — артефакта, требующего юридической защиты. В первом случае реализуется инструментальная функция языка, т.е. он используется для решения вполне конкретных политико-идеоло-

гических задач. Как культурный объект язык воплощается в виде национального символа и носителя этнокультурных знаний.

Языковая политика является значимым элементом государственного устройства. По меткому замечанию У.М. Бахтикиреевой, «непродуманная и неадекватная... языковая политика и языковое планирование подтачивают государственную систему изнутри подобно ржавеющей шестеренке в механических часах, постепенно подвергающей коррозии всю часовую систему» [2. С. 242]. Нередко именно языковой вопрос стоит в авангарде национально-политических процессов: «Парад суверенитетов в бывших советских республиках начался с принятия законов о языке. В балканском кризисе немаловажную роль играют и языковые отношения. Сепаратистские устремления в канадской провинции Квебек тесно связаны с борьбой за упрочение позиций французского языка» [3. С. 8].

Формируют языковую политику не только внешние условия, под которыми мы понимаем собственно нормативно-правовое обеспечение, но и сам язык как часть лингвокультуры. Дело в том, что, с одной стороны, язык непосредственно включен в систему идеологических государственных установок, с другой стороны, никто не может отменить «право носителей языка на его использование применительно к своим целям и требованиям» [4. С. 7]. Второе положение лежит в основе международного права и отражено в ряде международных правовых актов, таких, например, как Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств, Европейская культурная конвенция, Рамочная конвенция по защите прав национальных меньшинств и др. Сразу оговоримся, что Беларусь ратифицировала данные правовые акты, хотя они, очевидно, больше относятся к правовому инструментарию защиты этнических меньшинств, нежели к юридическим нормам реализации языковой политики.

Для понимания языковой политики современной Беларуси следует сделать небольшой исторический экскурс. Современный белорусский язык долгое время имел «статус сироты» [5. С. 38] и был формализован как государственный символ только после Октябрьской революции (до этого времени старобелорусский язык был официальным языком только в Великом княжестве Литовском в XIII–XIV веках). Формальность статуса объясняется отсутствием юридического понятия «государственный язык». В Декларации о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссия, а также в последующих конституциях страны (временной 1918 года и 1919, 1927 годов) устанавливалось «полное равноправие белорусского, еврейского, русского и польского языков». В Конституции БССР 1937 года в данную норму были включены только белорусский и русский языки. Но при этом вплоть до последней редакции Основного закона (1978 год) в формулировках статей, касающихся вопросов языка, допускались определенные исключения. Например, разрешалось вести судопроизводство не только на белорусском или русском, но и «на языке большинства населения данной местности».

Несмотря на то, что языковая политика СССР была достаточно продуманной и позволяла сохранять этническое самосознание в союзных республиках [6. С. 27], в конце 1980-х годов националистические амбиции местных политических элит нередко толкали их на одиозные решения в данной сфере. Не стала исключением и Беларусь, где именно в это время началось «Второе белорусское возрождение»

(термин Н.Б. Мечковской) [7. С. 299]. Так, в 1989 году не без согласия политических верхов создается Таварыства беларускай мовы імя Францішка Скарыны (Общество белорусского языка имени Франциска Скорины), а за полгода до принятия Декларации о государственном суверенитете (27 июля 1990 года) 26 января вступает в силу Закон о языках Белорусской ССР, где только за белорусским языком закрепляется статус государственного. Полная реализация норм закона была рассчитана на десять лет. Именно за этот период планировалось, что население станет в совершенстве владеть национальным языком страны, белорусизации в первую очередь подверглись официально-деловая коммуникация, сфера образования и культуры. Практическим шагом в реализации Закона стала принятая Советом Министров в сентябре 1990 года программа развития белорусского и других национальных языков. В результате уже через год значительно расширилось число школ и классов с белорусским языком обучения, власти смогли «белорусизировать» около 80% всех дошкольных учреждений. А вот из-за неоднозначной реакции интеллигенции, неготовности обеспечить образовательный процесс на белорусском языке и даже банального нежелания это делать перейти на белорусский язык в высшей школе не удалось.

Белорусизация начала 1990-х годов в конечном счете превратилась в политическую акцию, перешла в популистский лозунг. Языковой вопрос стал определенным политическим лейтмотивом национального обособления от «русского мира». Это подтверждает тезис, что данный вопрос можно рассматривать и как «ключ к расшифровке сознания субъектов политического процесса» [8. С. 225].

Программа реализации белорусизации в области языка имела достаточно радикальный характер и не была поддержана в обществе. Даже ярые приверженцы продвижения идеи государственного моноязычия спустя несколько лет после начала реализации программы всеобщей белорусизации отмечали, что «русский язык по-прежнему доминирует во всех сферах политической и общественной жизни республики: в сферах науки, культуры, делопроизводства, обслуживания, в эпиграфике, в средствах массовой информации и т.д.» [9. С. 213]. Думается, это была вполне адекватная реакция на то, что С.Т. Золян описал так: «...там, где пропадает русский (язык — *А.Л.*), он не замещается иным, там образуется вакуум» [10. С. 380].

Общественное противодействие форсированному всеобщему переходу на белорусский язык отражали многочисленные социологические исследования, согласно данным которых от 60 до 75% населения хотели придания статуса государственному русскому языку. А по результатам общегосударственного референдума 1995 года за это проголосовали 83,3% избирателей. Именно эта поправка к конституции стала отправной точкой оформления действующих принципов языковой политики Беларуси.

Только три года спустя конституционное изменение нашло отражение в Законе о языках, который допускает варьирование в использовании языков: например, «учебная и воспитательная работа в общеобразовательных школах ведется на белорусском и (или) русском языках», однако «руководители и другие сотрудники системы образования должны владеть белорусским и русским языками».

С началом 2000-х годов принятого на общенациональном плебисците решения и отмеченного выше Закона готовятся все нормативно-правовые акты. Так, За-

кон о государственной службе требует от служащих «владение государственными языками Республики Беларусь», Закон об обращениях граждан и юридических лиц закрепляет право на выбор государственного языка для обращения как в государственные, так и иные учреждения и организации, с обязательным получением ответа на языке заявителя. Кодекс РБ об образовании дает родителям право выбирать язык обучения, а государство гарантирует реализовывать это право посредством сети учреждений образования.

Все это стало следствием качественно высокого уровня устойчивости русского языка в Республике Беларусь. Так, по данным проведенного в 2020 году комплексного исследования об использовании в государственно-общественной сфере, в образовании и научной коммуникации русского языка в постсоветских странах интегральный показатель его устойчивости в Беларуси составил 25,00 пунктов. При этом следующая в рейтинге страна — Казахстан — имеет суммарный индекс 14,29 [11].

Заключение

Критический обзор процессов формирования белорусской государственной языковой политики в аспекте развития национального законодательства показывает, что вопросы его нормализации во многом были связаны с политическими процессами конца 1980 — начала 1990-х годов. Подъем национальных идей в отдельных моментах перерастал в националистические позиции, среди которых было и стремление любым способом отделиться от «русского мира». Очевидным инструментом реализации этого направления стал белорусский язык, который форсированно вводился во все сферы официальной коммуникации, образование, культуру и т.д. Однако отсутствие общественного запроса на белорусизацию повлияло на эффективность в продвижении национального языка.

После принятия на общереспубликанском референдуме поправки, закрепляющей статус государственного и за русским языком, белорусский язык окончательно потерял свое влияние и сегодня практически вытеснен из официально-деловой коммуникации, образования, оставшись лишь в сфере культуры. При этом изменилось и его функциональное значение: доминирующую роль заняла символическая функция. Белорусский язык сегодня — это особый сакральный символ национального самоопределения и этнической самоидентификации белорусов.

Список литературы

1. *Дешериев Ю.Д.* Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. *Бахтикиреева У.М.* К вопросу о роли языка в национальных конфликтах // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире / отв. ред. А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2014. С. 241—245.
3. *Фадеев В.В.* Языковая политика и культура мира // Лесной вестник. 2001. № 3. С. 9—10.

4. Золян С.Т. Русский язык в Армении в контексте его функционирования в мире: опыт междисциплинарного исследования. Ч. I: Правовые инструменты развития и защиты. Ереван: Издательство РАУ, 2018.
5. Wexle P. Belorussification, Russification and Polonization Trends in the Belorussian Language 1890—1982 // Sociolinguistic Perspectives on Soviet national languages: Their Past, Present and Future. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1985. P. 38—45.
6. Khalidov A.I. Ecolinguistic Problems of the North Caucasus in the Context of Language // Journal of Siberian Federal University: Humanities and Social Sciences. 2017. Issue 10. № 1. P. 25—39.
7. Мечковская Н.Б. Языковая ситуация в Беларуси: этические коллизии двуязычия // Russian Linguistics. 1994. Т. 18. С. 299—322.
8. Костюк М.Е. Государственная языковая политика России: проблемы формирования и перспективы реализации // Вестник Российской нации. 2010. № 4—5 (12—13). С. 224—237.
9. Конюшкевич М.И. Языковая ситуация в Белоруссии и особенности функционирования русского и белорусского языков // Язык в контексте общественного развития / ред. В.М. Солнцев, В.Ю. Михальченко, Т.Б. Крючкова. М.: АРС, 1994. С. 211—215.
10. Золян С.Т., Акопян К.С. Русский язык в Армении: история и современный статус // X Годичная научная конференция: социально-гуманитарные науки. Ч. III. Ереван: Изд-во РАУ, 2016. С. 373—382.
11. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс) / сост. А.Л. Арефьев и др. / под ред. М.А. Осадчего. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020.

References

1. Desheriev, Ju.D. 1990. “Jazykovaja politika”. In *Lingvisticheskiĭ jenciklopedicheskiĭ slovar’*. Chief editor V.N. Jarceva. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija publ. Print. (In Russ.)
2. Bahtikireeva, U.M. 2014. “K voprosu o roli jazyka v nacional’nyh konfliktah”. Language policy and language conflicts in the modern world. Chief editor A.N. Bitkeeva, V.Ju. Mihal’chenko. Moscow: Institut jazykoznanija RAN publ. Print. Pp. 241—245. (In Russ.)
3. Fadeev, V.V. 2001. Language policy and culture of the world. *Forets Bulletin* 3: 9—10.
4. Zoljan, S.T. 2018. *Russkij jazyk v Armenii v kontekste ego funkcionirovanija v mire: Opyt mezhdisciplinarnogo issledovanija. Part I: Pravovyje instrumenty razvitija i zashhity*. Erevan: Izdatel’stvo RAU publ. Print. (In Russ.)
5. Wexler, P. 1985. Belorussification, Russification and Polonization Trends in the Belorussian Language 1890—1982. *Sociolinguistic Perspectives on Soviet national languages: Their Past, Present and Future*. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1985. 38—45. Print.
6. Khalidov, A.I. 2017. Ecolinguistic Problems of the North Caucasus in the Context of Language. *Journal of Siberian Federal University: Humanities and Social Sciences* 10 (1): 25—39.
7. Mechkovskaja, N.B. 1994. Language situation in Belarus: Ethical collisions of bilingualism. *Russian Linguistics* 18: 299—322.
8. Kostjuk, M.E. 2010. State language policy of Russia: problems of formation and prospects for implementation. *Bulletin of the Russian nation* 4—5 (12—13): 224—237.
9. Konjushkevich, M.I. 1994. “Jazykovaja situacija v Belorussii i osobennosti funkcionirovanija russkogo i belorusskogo jazykov”. In *Jazyk v kontekste obshhestvennogo razvitija*. Edited by V.M. Solncev, V.Ju. Mihal’chenko, T.B. Krjuchkova. Moscow: ARS publ. Print. 211—215. (In Russ.)
10. Zolyan, S.T., and Akopyan, K.S. 2016. “Russkij jazyk v Armenii: istorija i sovremennyj status”. In *Desjataja Godichnaja nauchnaja konferencija: Social’no-gumanitarnye nauki [Tenth Annual Scientific Conference: Social Sciences and Humanities]*. Part III. Yerevan: RAU Publishing House, 2016. P. 373—382. (In Russ.)

11. Index of the position of the Russian language in the world: the index of global competitiveness (GC-Index), the index of sustainability in the countries of the post-Soviet space (S-Index). 2020. Comp. A.L. Aref'ev, D.A. Gorbatova, V.A. Zhil'cov, S.Ju. Kamysheva, E.V. Koltakova, I.A. Maev, M.A. Osadchij, M.N. Ruseckaja, A.S. Hehtel', M.I. Jaskevich; Edit. M.A. Osadchego. Moscow, ARS publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Лавицкий Антон Алексеевич — кандидат филологических наук, доцент, докторант Белорусского государственного педагогического университета, заведующий кафедрой иностранных языков и межкультурных коммуникаций Международного университета МИТСО. E-mail: anton_lavitski@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9102-4440>

Bio Note:

Anton Alexeevich Lavitski is a PhD (Philology), Associate Professor of Belarussian State Pedagogical University, Head of Department of Foreign Language and Cross-Cultural Communication of International University «MITSO». E-mail: anton_lavitski@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9102-4440>